

Отзыв на стихотворения Марины Перовой (Курган)

Первое, на что обращаешь внимание в подборке новых стихотворений Марины Перовой, – необычное оформление заголовков: под традиционными для лирических стихов тремя звёздочками даны названия в скобках. На мой взгляд, это несколько загромождает стихотворение. Я бы предложил снять банальные заглавия («Человек», «Болезнь»), а также заголовки, сужающие смысл («Прощение» – без «вывески» эти стихи прочитываются объемней).

По существу говорить о подборке Марины чрезвычайно сложно. Стихотворения герметичны и трудны для восприятия, хотя написаны с большой долей откровенности. Ощущение такое, будто читаешь частное письмо и, проникаясь его трагизмом, не понимаешь всех коллизий. При этом Марина исследует и темную сторону женственности – и, как мне кажется, несколько чрезмерно акцентирует её («Когда во власти похотливых мечт...» и пр.).

Марина активно экспериментирует с метрикой. Авторский ритм в ее стихах доминирует над стихотворными размерами. Эффектно рифмуются строки разной длины, что придает тексту динамику. А вот обилие нерифмованных строк, напротив, приводит к потере энергии. Если использовать холостой стих как прием (Цветаева), то лучше минимизировать его появление. Либо – писать верлибр.

Так, стремительное, увлекающее начало первого стихотворения разрешается в строке «Я похожа на радиоприемник» – одной из ключевых для построения образа. Эмоциональное состояние передано через ритм. Но дальше начинается пробуксовка: пропадает рифма, меняется тональность... Выпячивается конструкция. И начинаешь спотыкаться на логических противоречиях («я бы хотела» – «но я не хочу»)...

Триптих «Мать» – глубокие, образные, даже чуть колдовские стихи. Замечательны строки, передающие состояние героини:

*...И тает снег от жара головного,
И плавится доверчивая твердь.*

*А я уже близка к ядру земному –
Сама заговоренное ядро...*

Обжигает горечью первая строфа второй части:

*Я буду целомудренно пуста.
Не подарю начала новой жизни
И не отдам за сына живота,
А живота его не дам отчизне.*

А вот строка «Я не создам Ионы для кита» кажется произвольной. Параллель между младенцем в утробе матери и Ионой во чреве китовом, разумеется, понятна. Однако фраза построена слишком прямолинейно, поэтому напрашивается вопрос: зачем создавать именно Иону и почему непременно – для кита? Тем более что Иона – прообраз Христа, и его упоминание привносит в текст необоснованные мессианские мотивы...

Я не могу быть уверен, что понял триптих правильно (ожидание ребенка, его потеря?). Но вполне убежден, что эротизм третьей части диссонирует с основным содержанием. И здесь же:

*свергнуть – откуда?
«Теперь не я, а он боготворим» – нескромно о себе.*

Эти стихи не завершают цикл, не разрешают его драматургию. Как быть? Возможно, ответ подскажет Любовь Ладейщикова, много и хорошо написавшая о материнстве:

*Я стала матерью. Я сына
В свою бессонницу внесла.*

*А с ним – и мужество, и сила,
И нежность в сердце проросла.*

В стихотворении «Человек» конфликтуют мужской род этого абстрактного человека и женский – автора. Что такое «Любовью и жизнью опростанный»? Опростанный = опустошенный, но жизнь и любовь с пустотой не вяжутся. А «детские» строчки про маму и кота не вяжутся с умудренностью последнего мига. Мне кажется, что все это писалось для разгона перед финальными строками

*И небо я не назову небом,
И оно перестанет существовать.
Страшно быть человеком.*

Они по-настоящему хороши, к ним и нужно подойти по возможности быстрее, не прозаизируя стих перерождениями, воскрешениями, ощущениями и прочими категориями из философского словаря. Это, кстати, проблема многих стихотворений – в подборке встречается даже «единичный организм»! Марина умеет писать сочно и образно, но порой увлекается «размышлизмами» и забывает о средствах выразительности – как, например, в стихотворении «Правда».

Жемчужина подборки – «Хмурая суббота на Страстной...». Достоинства стихотворения – мастерское владение языком, единство образного ряда:

*Спасу нет с крестом и без креста.
Как бы наши жизни не скрестить
На краю Великого Поста.*

Выстраданная, не заёмная мудрость:

*Без греха до смерти не дойдешь,
Не воскреснешь с кем-нибудь вдвоём.*

А еще – удивительно воздушная, акварельная концовка:

*Колокольня. Небо. И апрель.
Я не верю. Просто так молюсь.
Без тебя я чище и светлей,
С каждым шагом легче становлюсь.*

Эти стихи – больше, чем прощение, обещанное в заголовке. В них реализован важнейший императив русской поэзии, сформулированный Александром Башлачевым: «Ты сколько угодно можешь ткнуть человека лицом в ту грязь, в которой он находится, вымазать его в том дерьме, в котором он сидит, но потом ты должен вывернуть его голову вверх и показать ему выход. Ты должен заразить своей любовью людей, дать понять людям, плохим людям, что они тоже хорошие, только еще не знают об этом...»

Так боль души переплавляется в светлые, стройные строки.

*Евгений Черников,
Каменск-Уральский*